

Татьяна Вирта

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

*истории из жизни ученых
и творческой интеллегенции*

Татьяна Николаевна Вирта

Физики и лирики: истории

из жизни ученых и

творческой интеллигенции

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7957777

*Физики и лирики: истории из жизни ученых и творческой интеллигенции. / Вирта Т.Н.: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103829-8*

Аннотация

Автору этой книги посчастливилось общаться и дружить с выдающимися писателями и учеными, чьи таланты составили славу XX века.

Многостраничные дневниковые записи и зарисовки позволили Татьяне Вирте сохранить живой облик этих людей и связанных с ними событий. Перед читателем открывается удивительный мир учёных-физиков, где блистали талантами необыкновенно яркие личности, сыгравшие уникальную роль в новейшей истории.

Содержание

Предисловие	4
Встречи и расставания	7
Вместо предисловия	8
Продолжение следует	18
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Вирта

Физики и лирики: истории из жизни ученых и творческой интеллигенции

Посвящается

Юрию Петровичу Кагану

Предисловие

Автору этой книги посчастливилось общаться и дружить с выдающимися писателями и учеными, чьи таланты составили славу XX века.

Многостраничные дневниковые записи и зарисовки позволили ей сохранить живой облик этих людей и связанных с ними событий. Возможность стать свидетелем их повседневной жизни была predetermined самой биографией автора.

Татьяна Николаевна Вирта родилась и воспитывалась в семье известного писателя Николая Вирта. Детство и юность она провела в знаменитом посёлке «Переделкино» в дружеской атмосфере семей прославленных советских писателей. (Об этом периоде она написала книгу «Родом из Передел-

кино», которая вышла в нашем издательстве в 2011 г.).

Получив начальное гуманитарное образование в школе и дома, Татьяна Николаевна продолжила его в МГУ, поступив на славянское отделение филологического факультета. Здесь она профессионально изучает сербскохорватский язык и литературу, и по окончании МГУ становится одним из ведущих литературных переводчиков Югославских авторов. В её переводе выходят в свет такие произведения, как «Мост на Дрине» И. Андрича, получивший Нобелевскую премию, романы М. Лалича, М.Црнянского, М.Крлежи, рассказы и повести Б.Чопича, Э. Коша и др.

Общению с этими звёздными авторами Югославской литературы посвящен раздел книги под ироническим названием: «Переводчик, – что такое?» («Черногорцы, – что такое?, – Бонапарте спросил.»)

Новый этап биографии Татьяны Николаевны Вирта начинается с её встречи с молодым учёным, в то время кандидатом физико-математических наук, Ю.М. Каганом, с которым она соединяет свою судьбу.

Ей открывается удивительный мир учёных-физиков, где блистали талантами необыкновенно яркие личности, сыгравшие уникальную роль в новейшей истории.

В этом мире научная деятельность Ю. М. Кагана, академика РАН, лауреата многих премий и наград, почетного доктора нескольких Европейских и Американских Университетов, была тесно связана с видными российскими и зарубеж-

ными учёными, с которыми у него и его жены сложились дружеские, а подчас и приятельские отношения.

Таким образом, автор этой книги смог ближе познакомиться со многими представителями современной науки, узнать их взгляды и склонности, их оценку всего происходящего вокруг. Среди тех, кого описывает автор Нобелевские лауреаты, – Жорес Алфёров, Рудольф Мёссбауер (Германия), Уолтер Кон (США), Боб Шриффер (США), Клод Коэн-Таннуджи (Франция), а также выдающиеся учёные, – Лев Горьков, Виталий Гольданский, Илья Лифшиц, Ёк Вальравен (Нидерланды), Айк Сильвейра (США) и др.

Москва, 2017 г.

Встречи и расставания

Мне посчастливилось в моей жизни встречаться с выдающимися людьми, чьи таланты составили славу XX века. Хотелось бы сохранить память о них для будущего.

Поговори со мной о пустяках,
О вечности со мной поговори.

Георгий Иванов.

Вместо предисловия

Наконец, я получила эту книгу, но теперь уже из других рук.

Вечером того дня, когда мы с моей подругой Люшей, Еленой Цезаревной Чуковской, должны были встретиться, нам помешала мерзкая погода – мрак, сырость, слякоть. И мы решили перенести наше свидание на утро. Но утром она позвонила мне сама:

– Ты знаешь, меня прямо сейчас увозят в больницу. Хотят для очистки совести сделать операцию. Потому что от облечения и химии я отказалась. Думала, лучше буду сидеть и ждать у моря погоды.

Это было любимое выражение Люши, если кто-то ее знал, и хотя такая пассивность была ей совершенно не свойственна, о себе она могла говорить исключительно в иронических тонах.

– А книгу я тебе надписала. Не забудь привезти мне свою. Мы же с тобой договорились обмахнуться «нетленками». (Так мы называли с ней наши работы.) Хотелось бы увидеться, конечно, ну, а если нет, то ты мою книгу найдешь на столе.

Если бы знать мне в тот вечер, что наша встреча больше не состоится никогда...

Эту ее надписанную книгу «Чукоккала и около» я нашла у нее на столе, как она и обещала, с трогательной надписью, после того, как Люши уже не стало.

Она была очень больна, – онкология, к тому же поздно обнаруженная. Положение было крайне тяжелое, но ее уговорили, что надо бороться, не все потеряно. Люша лежала в лучшей клинике. Ей занимались светила нашей медицины. Первая операция прошла вроде бы вполне успешно. Ее племянница, Марина, с которой мы были ежедневно на связи, сказала, что была даже удивлена, найдя Люшу после операции все такой же насмешливой и даже оживленной...

Но к вечеру ей стало плохо. Сердечная недостаточность. И снова операция, сопровождавшаяся множеством попутных осложнений. Все усилия врачей оказались напрасными, – к сожалению, человеческий организм имеет свой предел возможностей.

Люша умерла, не приходя в сознание, в новом, наступившем 2015 году, в полдень 3 января. Ее похоронили 7 января, в день Рождества, в Переделкине. Был сильный мороз, кажется, это был самый холодный день за всю зиму, и поехать на панихиду и похороны я не смогла.

Кладбище в Переделкине. Для меня это не просто деревенский погост, или исторический мемориал с именами знаменитых людей, – для меня это мое семейное кладбище. Папа похоронен на главной тропе, ведущей от входа вглубь

кладбища. Серый, мраморный обелиск и надпись:

«Писатель Николай Вирта».

Мама и бабушка, Ирина Ивановна Вирта и Татьяна Никаноровна Лебедева, похоронены прямо за спиной гробницы Чуковских – Корнея Ивановича и Марьи Борисовны и рядом лежащей их дочери, Лидии Корнеевны. И вот теперь там же Люша, ее похоронили без кремации, прямо в землю. Это семейное решение, конечно же, неоспоримо. Но как заснуть, когда мысли все время возвращаются туда... Мерзлая земля, скованная морозом толпа людей и этот непереносимый звук промерзших комьев о крышку гроба. Просто наваждение какое-то...

Мы с Люшей всегда перезванивались, когда она или я выбирались на кладбище. Взаимно присматривали за могилами близких. Возмущались глухотой и безразличием Епархии к этому историческому месту, ставшему последним приютом для многих и многих известных писателей, поэтов, философов, скульптора Сидура и просто достойных людей нашего времени. Поразительна скупость церковных властей, без усталости возводящих на территории, непосредственно примыкающей к могилам, чудовищный по своей безвкусице «новострой», – храмы, часовни, гостиницы и не выделившей ни гроша, чтобы провести на кладбище водопровод и сделать туалет. Бок о бок на том же кладбищенском холме располагается представительная резиденция Патриарха, а рядом с ней полнейшее запустение и упадок. А как же – любовь к

ближнему своему и другие возвышенные ценности?

В своей книге «Родом из Переделкино» (изд. Астрель, Москва 2011 г.) я подробно писала о семье Чуковских, наших соседей по даче, приятельские отношения с которыми продолжались у меня очень долго, с 1937 года. Нам с Люшей было тогда лет по семь, при том, что она младше меня на несколько месяцев. И никто из нас еще не знал, как сложится наша судьба. Сохранится ли наша дружба надолго? И в каком направлении пойдут наши жизненные пути?

Несколько лет назад, когда у нас обеих за плечами была уже солидная часть нашей биографии, мы с ней встретились вновь. Встретились очень горячо, потому что были нужны друг другу, нужны, как никто другой. Нас объединяла память о детстве, – если есть в жизни что-то святое, так это именно воспоминания о нашем детстве, – у кого-то счастливом, у кого-то трудном, но всегда обостренно воспринимающем действительность. В нашем детстве, писательских детей и внуков, обитавших тогда в Переделкине, было много радости, но ничто не могло защитить нас от исторических катаклизмов, которые обрушились на нашу страну. И в мгновение ока прервали наше короткое детство, не дав нам доиграть в наши игры, подрасти и окрепнуть. Война уравнивала всех нас, – какие могут быть привилегии у детей, чьи родители оказались на фронте, а сами они с семьей обращены в бегство, называемое эвакуацией?

С первых дней войны нам предстояло испытать все ее ужасы: бомбежки, ночи в подвалах домов, срочно переоборудованных под бомбоубежище, как это было у нас в Москве, в нашем доме № 17 в Лаврушинском переулке.

Помню, как мы сидели с бабушкой в подвале под подъездом № 3 нашего дома. В подвал набилось множество народа. Судорожно вцепившись в доску, изображавшую подобие скамьи, мы с бабушкой не сводили глаз с лампочки, которая раскачивалась на проводе под бетонным потолком, мигая и грозя оставить нас в кромешном мраке, наполненном страхом, ознобом и гулом. Или ночи на даче в Переделкине, когда на крышу с грохотом сыпались осколки снарядов, едва не пробивая ее насквозь, а в небе шарили прожектора, нащупывая немецкие бомбардировщики, прорывавшиеся к столице.

Мы уезжали в Ташкент с последним эшелоном, увозившим писателей с семьями в тыл, это было 16 октября 1941 г. Ехали около двух недель, нас задерживали на всех станциях, полустанках, а не то и в чистом поле, пропуская вперед составы, переправлявшие на Урал заводы и фабрики. Вскоре у нас начались сильнейшие проблемы с водой и продуктами. От голода нас спасал мой отец. В звании майора он был назначен комендантом эшелона и всеми правдами и неправдами добывал для нас пропитание, выскакивая на остановках из поезда и потрясая какими-то мандатами. Это была лишь прелюдия к тому, что ожидало нас в эвакуации. Все по-разному пережили это тяжелое время. Но в чужом краю

невзгоды, неустроенность, недоедание и прочие беды никого не обошли стороной.

После Победы мы вернулись домой не по годам повзрослевшими. Некоторые семьи понесли невосполнимые потери. В семье Чуковских в 1942 году погиб на фронте средний из детей Корнея Ивановича – Борис, и его сын Женя остался сиротой. Корней Иванович и Марья Борисовна, к счастью, его усыновили и стали ему невероятно преданными родителями. Мои подруги – Светлана и Джоя Афиногеновы потеряли отца, – Александр Николаевич Афиногенов погиб при бомбежке в здании ЦК партии в Москве в октябре 1941 года. У моего друга Пети и его брата Илюши Петровых в 1942 году при перелете через линию фронта на военном самолете, попавшем под обстрел, разбился отец.

Но и тем, кто остался в живых, выпало на долю перенести столько испытаний, что их с лихвой хватило бы на несколько поколений людей, если бы в мире существовала хоть какая-то справедливость.

Наше детство невозвратно прошло, мы входили в пору юности, еще не зная, что нас ждет впереди.

Совсем недавно я была серьезной девочкой с двумя кошечками и усердно занималась своим самообразованием. В школе я училась неважно и ни по каким предметам, кроме литературы и естествознания, особенных успехов не имела. Зато с одинаковым рвением изучала «Историю искусства» П.Гнедича и «Жизнь животных» А.Брема, поначалу не впол-

не осознав, что с генетикой не поспоришь, – литературные способности, полученные в наследство от отца, хотя и сильно ослабленные, жаждали реализации, и часто становились «линией жизни» писательских детей. Но до этого было еще далеко.

С некоторых пор у меня появились новые увлечения, – танцы, наряды. Я вертелась перед зеркалом, готовясь к вечеру, и невероятно переживала свои успехи и неудачи. На дачах у нас крутили без устали патефоны, пластинки, записанные на рентгеновских снимках, шипели, игла соскакивала с борозды, но хриплый голос Утесова или грассирование Вертинского проникали нам в душу, пробуждало неясные мечты о чем-то прекрасном и неизведанном. Предчувствие любви витало в воздухе, но пока это было лишь ожидание того, что должно было прийти и наполнить собой нашу жизнь.

С Люшей нас объединяла в те послевоенные годы неустанная забота о наших младших братьях. Это были бедовые ребята, и уследить за ними было не так-то просто. Ее двоюродный брат Женя, 1939 года рождения, и мой брат Андрюша, 1944 года рождения, постоянно изобретали такие забавы, которые могли закончиться для них весьма печально. В поисках экстремальных видов спорта они постоянно устраивали сумасшедшие гонки на велосипедах, проносясь над канавами и буераками то положив ноги на руль, то подняв руки вверх. Процветало и еще одно соревнование, – привязав толстую веревку к высокой ветке, раскачаться на ней с немис-

лимой силой, после чего спрыгнуть вниз на максимально далекое расстояние. И вот один из них со всего маху рухнул в какую-то яму. Мы с Люшей бросаемся к нему.

– Эй, там! Ты живой?

– Да все нормально!

У-ф-ф! Кажется, пронесло!

Биологические опыты моего брата Андрюши не вредили хотя бы его здоровью. А вот Люшин двоюродный брат Женя имел пристрастие к пиротехнике и только по счастливой случайности однажды чуть было не ослеп и не поджег свою дачу. Петарда, изготовленная Женей, вырвалась у него из рук и, залетев в кусты, с шипением там взорвалась. Мы все были просто в шоке. Ну, что можно было поделывать с этим неугодным мальчишкой?!

Они же были у нас и главными ветеринарами. С нашими домашними животными вечно что-нибудь приключалось. То чья-то кошка повредит себе лапу. То пес притащится домой с изодранными в клочья боками. Что поделаешь, если соперник оказался сильнее?! Любовь требует жертв. Самое интересное, что собаки и кошки терпеливо переносили обработку ран, прижигание йодом и накладывание на лапу самодельной лангетки. Животные гораздо умнее, чем мы о них думаем.

Ну, а какая морока была с выпавшими из гнезда птенцами – не закинешь обратно в гнездо, кошка мгновенно придушит, а взять трепещущего, едва оперившегося птенца до-

мой – это значит поминутно закладывать корм в ненасытную желтую глотку. Иногда этих птенцов удавалось выводить, и они, оперившись, вылетали на волю из открытого окна террасы. Вспорхнул – и улетел без всякой благодарности, и лишь оставив на память о себе на подоконнике несколько белых пятен.

Для меня переделкинская идиллия кончилась катастрофой.

Сознаю, что предаваться суеверию смешно и глупо. Все это антинаучная галиматья, и с этим надо бороться.

Но однажды вечером я в ванной уронила на кафельный пол маленькое зеркальце, и оно разбилось вдребезги. А утром мой папа объявил моей маме, что уходит из семьи, поскольку полюбил другую женщину и намерен на ней жениться.

Вскоре в Литфонд посыпались заявления о том, что казенная дача используется не по назначению и что сам писатель там не появляется. Моя мама без всяких пререканий с Литфондом в срочном порядке распродала имущество, – библиотеку, мебель, посуду, утварь и освободила дачу. Какие-то дрызги, судебная волокита и тому подобное – все это было для нее непереносимо, и она предпочитала в одночасье лишиться всего, но избавить себя от неизбежных унижений. Слава Богу, никто не отнимал у нас московскую квартиру в

писательском доме в Лаврушинском переулке, но оторваться от дачи, на которой мы прожили двадцать лет, было очень тяжело. Прощай, мой сад! Прощай, цветник! Прощайте, вековые сосны! Над кем теперь вы будете шуметь?

Хотя в паспорте, в графе: «место рождения» у меня и значится город Кострома, но что я могла запомнить о ней, когда меня увезли оттуда годовалым ребенком. Для меня «малой Родиной» было Переделкино, и тоска по нему давила на сердце долгие годы.

И вот я вступила во взрослую жизнь.

Продолжение следует

Современники оставили свидетельства о том, что Гумилев, к примеру, считал счастливое детство необходимым для формирования поэта. Возможно, так оно и есть. Счастливое детство, надо полагать, закладывает в мировоззрение личности основы гуманизма, предполагает признание общечеловеческих ценностей превыше всего. Прививает любовь к природе, чуткое отношение к животному миру и пр. Ну, а как быть с бойцовскими качествами, стойкостью характера и закаленной волей? Не всегда же под тебя, что называется, будут подкладывать мягкую солому! Иной раз судьба внезапным ударом из-за угла так оглоушит, что еле устоишь на ногах.

Без отца наша жизнь резко изменилась. Всевозможные неприятности посыпались на нас как из рога изобилия, будто бы только сейчас узнали наш адрес. У моего младшего братишки Андрюши на нервной почве после ухода отца открылась бронхиальная астма. Смотреть на эти припадки безудержного кашля, которые душили ребенка, было непереносимо. Началось бегство знакомых, друзей и товарищей с тонущего корабля, – после того, как про папу в газете «Комсомольская правда» был напечатан злобный фельетон, коекто из самых близких благоразумно рассудил, что нечего общаться с семьей опального писателя и скрылся с глаз долой

подальше от греха. Мы с мамой старались относиться ко всему происходящему философски, отшучивались и иронизировали по этому поводу, – правда, не всегда удачно. И только бабушка вытирала слезы украдкой.

В то время я заканчивала пятый курс филфака МГУ, а точнее, славянское отделение, где изучала сербскохорватский язык и литературу народов Югославии, как тогда называлась эта страна. Преподавателем у нас был Илья Ильич Толстой, родной внук Л.Н.Толстого, недавно вернувшийся из эмиграции в Югославию, где он пробыл около четверти века. Илья Ильич читал нам блестящие лекции и проводил семинарские занятия по языку, готовя из нас специалистов, которые срочно потребовались после замирения с «кровавой кликой Тито-Ранковича», как по мановению волшебной палочки преобразившейся в наших друзей и братьев наших родных. Выпускники уникального курса Ильи Ильича Толстого должны были познакомить советского читателя с произведениями сербских, хорватских, словенских, македонских и черногорских писателей. Но мне еще только предстояло сделать свой окончательный выбор.

Художественным переводом я начала заниматься на втором курсе Университета. Погружаться в текст оригинала, искать и не сразу находить единственное нужное слово, стараться уловить интонацию подлинника и передать ее в своем изложении на русском языке – все это казалось мне настолько увлекательной задачей, что я часами просиживала за ма-

шинкой и, если что-нибудь получалось, испытывала настоящее счастье.

Момент торжества настал для меня в тот день, когда я получила номер журнала «Смена» с моим переводом отрывка из романа одного современного американского писателя. Моей первой пробой пера был перевод с английского. С какой гордостью показывала я эту публикацию своим сокурсникам, – собственно говоря, в этот самый момент я встала на ту дорожку, с которой уж не свернешь! Эта отрава, – авторское самолюбие, – не будет тебе теперь давать покоя, пока тяга к машинке, а потом и к компьютеру, ведет тебя по жизни, как веревка альпиниста по рискованной тропе. Кто был хотя бы раз в горах, представляет себе, что натянутая веревка вдоль тропы – твое спасение. Ну, а кто натянет веревку начинающему литератору?! Тут вся надежда исключительно на самого себя. Пока твое имя никому не известно, тебя не печатают, а между тем известность можно приобрести единственным способом – публикациями в газетах, журналах, а потом и в издательствах. На какое-то время ты зависишь в безвоздушном пространстве, – подозрительная личность без определенных занятий, «тунеядец», не имеющий трудовой книжки. В советскую эпоху такая ситуация входила в резкое противоречие с существующими законами, – по ним каждый гражданин должен был занимать свою ячейку в обществе, а такое понятие, как «свободный художник», употреблялось главным образом в ругательном смысле. В капкан этих про-

тиворечий попадали многие великие и знаменитые, поэты и прозаики, но даже их горький опыт первых шагов в литературе никого и ничему не научил. И количество желающих ступить на ту же самую опасную стезю что-то не уменьшается со временем.

И вспоминается тут история литературных запретов, которая испокон веков существовала у нас на Руси. В далеком 1790 году Радищев, принявший на себя все мучительные последствия, к которым привело его опубликование «Путешествия из Петербурга в Москву», взывал к начинающим литераторам:

« Убегайте пагубного тщеславия быть писателем»... В его случае высочайший гнев не только обрекал Радищева на физические лишения, но и подвергал унижительной пытке отречения от своего собственного сочинения, от своих убеждений и чести.

Тогда же возникла формулировка: «хотя я не читал его книги, но слышал о ней от таких людей, которым верю, что она такого рода, что во всяком бы месте Европы автор подвергся бы публичному наказанию» (из письма Н.Н. Трубецкого А.М. Кутузову, 26 августа 1790 года). И книга отправлялась в костер...

Но императрицу продолжали терзать опасения:

«...надлежит узнать, много ли выпущены экземпляры, и куды девались». (Использованы материалы, опубликованные в журнале «Weekend», 19 июня 2015, номер 21.)

К моменту окончания Университета, в конце пятидесятих годов, я еще не вполне определилась, кем я буду, – переводчиком, журналистом, а может быть, литсотрудником в какой-нибудь редакции?

Однако же судьбу выпускника высшего учебного заведения решала без всякого учета его собственных желаний государственная распределительная комиссия. Каждый получал тут по заслугам, а я, как дочь писателя, подвергнувшегося суровой критике в центральных газетах, должна была понести наказание за грехи своего родителя. И государственная распределительная комиссия выносит окончательный вердикт, – направить меня под город Барнаул учителем в начальную школу. При этом председатель комиссии на все попытки Ильи Ильича Толстого защитить меня от явной несправедливости говорил:

– Вот и хорошо, что она проявила способности в художественном переводе! Вот и пусть едет под Барнаул детишек учить! Глядишь, там и опыту наберется, и жизнь получше узнает. Не обязательно ей в столице сидеть.

– Но ведь она такая молодая и одна...

В ответ на это следовала все та же демагогия со ссылками на недавний фельетон о моем отце и заключением о том, что, мол-де, «яблочко от яблони недалеко падает».

А провинция замечательно подходит для исправления таких ненадежных, как я.

Признать себя «ненадежной» личностью я никак не могла, но под угрозой скандала, исключения из рядов ВЛКСМ и получения волчьего билета о «неоконченном высшем образовании» приходилось согласиться с направлением на работу в начальной школе под Барнаулом и подписать все бумаги, хотя перспектива загреметь в какую-то неведомую даль представлялась мне тогда кошмаром. Но вокруг меня были мои верные друзья, и с помощью их родителей вместо города Барнаула меня перенаправили на работу младшим литсотрудником в редакцию журнала «Знамя».

Для меня это была огромная удача, – я оказалась под началом у Софьи Дмитриевны Разумовской, а Софья Дмитриевна – легендарная женщина, и о ней надо поговорить отдельно.

Боже мой, как странно все переплетается в жизни!

Софья Дмитриевна, она же для избранных «Туся», литературный редактор, обладающий безошибочным вкусом, работала с авторами, чьи произведения готовились к публикации в журнале «Знамя». Она правила рукописи не только стилистически, – смысловые и логические аспекты также подвергались ее безжалостной коррекции, и к ее претензиям прислушивались не только начинающие, но и маститые писатели. Сам Вадим Михайлович Кожевников, главный редактор «Знамени», при том, что он являл собой законченный типаж авторитарного хозяина вверенного ему печатного органа, подчинялся суровым требованиям Софьи Дмитри-

евны, лишь иногда позволяя себе некоторую строптивость. Авторитет Софьи Дмитриевны, так же как и редактора отдела критики Аси Самойловны Берзер, был для него чаще всего неоспоримым.

Софью Дмитриевну Разумовскую я знала с детства, но совершенно в другом качестве. Для меня она была в те далекие годы «тетя Туся», жена Даниила Семеновича Данина, известного писателя и публициста, – мои родители встречались с ними на даче у Трневых в Переделкине.

Перед глазами у меня освещенная солнцем картина, – летний сад и тетя Туся в легком светлом платье в гамаке. Данин тихо покачивает ее, словно боится выронить из гамака. Он всегда обращался с ней так бережно и осторожно, как будто бы она фарфоровая статуэтка и ее можно нечаянно разбить. Тетя Туся, вся такая пушистая в ореоле пышной копны вьющихся светло-русых волос, маленькая и хрупкая, рядом со своим довольно-таки рослым мужем Даниным, выглядела как-то особенно уютно. Она одаривала вас внимательным взглядом голубых, выпуклых глаз с поволокой, и вы ощущали себя на какое-то время в плену и этого взгляда, и воркующего голоса, когда она спрашивала вас о самых обыденных вещах.

История их любви с Даниным началась еще до войны и, насколько мне известно, развивалась весьма драматично. Профессиональная биография Данина тоже была не про-

стой. После длительного периода творческих поисков Данин, наконец, пришел в литературу. До того, как юношеское увлечение поэзией привело его в Литинститут им. М. Горького, Данин был недоучившимся студентом химфака, а потом и физфака МГУ, и намеревался сделать научную карьеру. Но вот, – война, которую до самого конца он отшагал сначала рядовым, а ближе к Победе — капитаном. Это про таких, как он, написано у Д. Самойлова:

Я вспоминаю тех друзей,
Что в сорок первом шли в солдаты,
И в гуманисты в сорок пятом.

Итак, после войны вместо исследовательской работы в области химии или физики в каком-нибудь столичном институте Данин избирает для себя путь профессионального литератора и становится блестящим критиком и исследователем поэзии. Статьи и обзоры Д. Данина печатались во всех ведущих московских журналах и любителями поэзии воспринимались как эталон высокого и неподкупного вкуса. Никакая самая изощренная конъюнктура не могла соблазнить Данина, и талант был для него единственным критерием в оценке творчества поэта, который принимался им в расчет. В то время Данин еще и представить себе не мог, какие тернии, выражаясь высоким штилем, поджидали его на этом, казалось бы, мирном поприще «гуманиста».

С очаровательной Тусей он встретился в одной компании

случайно и был покорен с первого взгляда и навсегда, до последних ее дней. Она была в то время взрослой дамой, много старше его, на целых десять лет, окруженной плотным кольцом поклонников, хотя, видимо, и не замужем, но связанной отношениями с кем-то из них. Поначалу, как она сама рассказывала мне, когда мы с ней стали, как это ни странно, подругами с разницей в возрасте в целое поколение, ее просто шокировал напор этого юнца, который неотступно преследовал ее. Софья Дмитриевна пыталась его образумить:

– Даня, ну что вы такое себе вообразили!? Давайте с вами дружить! Говорить, например, о поэзии! Вы, к моему великому изумлению, так прекрасно ее знаете и даже декламируете своим бархатным баритоном. Я поражена! Ведь вы, кажется, физик, или как там называется эта ваша наука?!

– Нет! – решительно отвергал ее предложение «этот юнец». – Мне ваша дружба не нужна. Я не собираюсь с вами дружить. Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж.

– Что, что! – заливалась Туся своим мелодичным переливчатым смехом и пожимала женственными округлыми плечиками. – Нет, надо же, каков нахал! Ни мало ни много, как выходить за него замуж! Что за блажь пришла ему в голову! И что он, собственно, собой представляет? Вчерашний студент! Начинаящий критик или, как там это называется, физик!

Но оказалось, что некоторые «вчерашние студенты» умеют добиваться своего. Их роман был прерван войной. Но

именно война соединила их навек. Софья Дмитриевна, – в официальной обстановке редакции мне пришлось расстаться с детской «тетей Тусей» и отныне обращаться к ней по имени и отчеству, – рассказывала мне, как это все произошло.

Рядовой ополченец Д. Данин был возведен в чин сержанта (до капитана было еще служить и служить!) и на несколько дней получил увольнительную с фронта. Он ринулся в тыл, на Урал, где «Туся» была в эвакуации. Ехал на чем попало, без еды и без сна. И вот, наконец, «эта улица» и вот, наконец, «этот дом». Он позвонил, а может быть, постучал в ее дверь. Она открывает. На пороге перед ней стоит этот самый бывший «юнец», говоря словами поэта, худой, обритый, но живой, в военной форме, вырвавшийся из пекла войны и два дня потративший на дорогу из своего семидневного отпуска. Они бросились друг другу в объятия!

Как обо всем этом потрясающе написано у Давида Самойлова, употребившего в своих стихах те же пушкинские слова:

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете,
Худой, обритый и задорный.
И у меня табак в кисете,

И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю —
Как это было, как совпало —
Война, беда и наша юность.
И все это в меня запало
И лишь потом во мне очнулось...

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, когда мы с моим мужем так часто навещали их в тесной до неправдоподобия квартирке на Малой Дмитровке, они были очень счастливы. Они по-настоящему любили друг друга. Данин считал, что у них есть к тому же особый «оберег», – ведь он «Д.С.», а она «С. Д.», ну и живут, соответственно, на «Малой Дмитровке». Все это предвещало им вечные «любовь да совет», но заработано было это счастье нелегкой ценой. Совсем недавно на их долю выпали испытания, которые могли сломать их судьбу и унести любовь. Однако Софья Дмитриевна, эта маленькая, полная прелести, избалованная обожанием своего мужа женщина, проявила поразительную стойкость и силу характера. После окончания войны, незадолго до смерти вождя разразилась кампания против «злостных космополитов», и Д.С.Данин был провозглашен лидером «антипартийной и антинародной формалистической критики в области поэзии». На страницах газеты «Правда» с невероятным

сладострастием производилась расшифровка псевдонимов и обнаружение скрывавшихся под ними еврейских фамилий. Ага, попались! Не уйти вам от народного гнева! – этот хор подхватили все СМИ в столице и провинции. Имя Данина, с непременно указанием в скобках истинной его фамилии, полоскалось во множестве газет и журналов и вскоре принесло ему всесоюзную известность. Вот уж действительно, невозможно угадать, с какой стороны тебя настигнет слава! Ясно одно, – никакие Сталинские премии не могли обеспечить Данину такой пиар, выражаясь современным языком, как это шельмование всеми уважаемых литераторов.

Данину надо было срочно исчезнуть из Москвы. Трудоустроиться в столице было для него нереально. И он принимает решение уйти в поход с поисковой группой геологов. В Москве он отсутствовал, если не ошибаюсь, года два.

Все это время С.Д.Разумовская продолжала работать в журнале «Знамя». Вадим Михайлович Кожевников, к его чести, оказался выше всеобщего антисемитского психоза и оставил ее на своем месте. Однако атмосфера вокруг нее была не из самых приятных. Можно себе представить, как относились некоторые особо бдительные сотрудники журнала к этой беззащитной женщине в «сороковые-роковые», пока ее муж, «разоблаченный проводник чуждых нам взглядов, космополит и эстет», находился в добровольном изгнании! Спустя много лет после смерти Сталина, когда, казалось бы, страсти должны были утихнуть, ревнители метода «социа-

листического реализма» все еще клокотали от ненависти ко всему, что выходило за его рамки и хотя бы отдаленно отдавало свободой творческого воображения. Известно одно высказывание П.Л. Капицы: «Чтобы быть счастливым, человек должен воображать себя свободным» – эти слова приводит Д.Данин в своих заметках об ученых.

(«Нестрого как попало», изд. Э.П.Казанджан, М. 2013.) А вот этого и не могли простить писателям истинные патриоты.

19 декабря 1960 года в редакции журнала «Знамя» собирается редколлегия, чтобы обсудить роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», предложенный автором для печати. Софья Дмитриевна, раздобыв всеми правдами и неправдами справку о болезни, отсиживалась дома, как в осажденной крепости. Редколлегия проходила под стенограмму и сохранилась по сей день. В своем выступлении перед открытием дискуссии главный редактор «Знамени» В.М.Кожевников не пощадил В. Гроссмана и наметил основные тезисы обвинений, которые ему предъявлялись. Выступление Главного изобиловало такими формулировками, как:

«Грубые политические ошибки, враждебная направленность этого произведения...», «редколлегия считает, что роман В. Гроссмана... является злостной критикой социалистической системы с правооппортунистических позиций, совпадающих в ряде мест романа с антисоветской пропагандой реакционных идеологов капиталистического мира...»,

«многие куски романа были бы с удовольствием использованы против нас и «Голосом Америки», и «Свободной Европой». Ему (видимо, автору, – Т.В.) следует как можно дальше спрятать этот роман от посторонних глаз, принять меры к тому, чтобы он не ходил по рукам».

Какая уж после этого вступления может быть дискуссия! Последовали пламенные речи В. Катинова, А. Кривицкого, В.Сучкова, в которых они наперебой соревновались в подборе самых низкопробных эпитетов, адресованных «враждебным нашему строю писателям». Попутно с В.Гроссманом ими был также сурово обличен Б.Пастернак с его романом «Мастер и Маргарита». Цитировать полностью речи выступавших было бы оскорбительным для памяти писателей, которые составили гордость и славу нашей литературы.

Кстати говоря, «по рукам» оба эти романа, разумеется, ходили, ну, а с мест, где проходили бурные собрания трудовых коллективов, раздавались дружные вопли: «я не читал, но скажу!»

В шестидесятые годы Д.С.Данин снова начал печататься. В критику после «космополитической кампании» он больше никогда не возвращался. И стал писать про физиков. (Ох, уж эти физики! – мой муж, Ю.М.Каган, тоже физик, и об этих «физиках» я еще скажу.)

Но, между прочим, я так и не определила для себя, кем все-таки был этот выдающийся эрудит и «эстет», как для пущей остротки назвали Даниила Семеновича яростные бор-

цы за чистоту наших рядов в литературе. Превратился ли он из физиков в лирики, или, наоборот, из лириков в физики? Во всяком случае, уже потом, когда он стал знаменитым автором книг о великих физиках современности, Данин оставался лириком в полном смысле этого слова. Никогда не забыть, как он читал стихи! Особенно Б.Пастернака. Сколько бы лет с тех пор ни кануло в вечность со всеми нашими переживаниями, тревогами и радостями, а все равно в ушах звучат неповторимые интонации, с которыми Даниил Семенович декламировал немного нараспев:

Снег идет, снег идет,
Снег идет, густой- густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?!

Мы с моим мужем ходили к Даниным в гости, как на праздник. Я непременно тщательно наряжалась, т.к. «эстет» Данин всегда не без пристрастия оглядывал меня, что было очень приятно. И непременно брала с собой туфли. А это еще зачем? А это потому, что Данин к тому же любил танцевать, и я знала заранее, – чуть только мы появимся в дверях, Данин поставит какую-нибудь пластинку, из самых наших любимых. И мы будем с ним танцевать. К сожалению, Софья Дмитриевна не танцевала, так что мой муж Юра за

компанию с ней поневоле тоже становился наблюдателем.

Хозяйство в их доме вела верная «тетя Глаша», и она всегда оставляла нам что-нибудь на ужин. Ну, а после небольшого застолья с непременно двумя-тремя рюмками водки мы с Софьей Дмитриевной усаживались у нее на диванчик и настраивались слушать Данина, – мы всегда его просили почитать нам стихи, и он с готовностью соглашался. В то время я еще не научилась пить и не могла даже пригубить чего-нибудь спиртного, но голова у меня и без спиртного кружилась, – от счастья. Это были незабываемые вечера.

Надо сказать, что этот диванчик в те далекие времена, когда я была еще не замужем, сыграл решающую роль в моей судьбе. Все дело в том, что посидеть на нем с хозяйкой дома считалось большой честью и достаивались этой чести немногие. А мы с Софьей Дмитриевной были, можно сказать, подругами, и она часто приглашала меня к себе посидеть с ней «на диванчике».

Говорили мы с ней, отвлекаясь от производственного процесса, в основном «за жизнь», и многое из того, что со мной происходило, ей не нравилось. К моим очеркам, появлявшимся время от времени в печати, она относилась вполне равнодушно, а переводы вовсе не читала. Кроме того, ей не нравились те фигуры, которые дожидались меня у входа в редакцию «Знамени» на улице Станкевича, чтобы проводить домой в Лаврушинский переулок, где я тогда жила. У Софьи Дмитриевны насчет моего будущего были совсем другие

планы.

Однажды на этом самом диванчике у нас с ней произошел примерно такой разговор:

– Ты не обидишься, если я тебе кое-что скажу откровенно?

– Конечно, нет.

– По-моему ты делаешь неправильный выбор. Можно, я тебя познакомлю с одним молодым человеком, который мне кажется интересней, чем эти твои кавалеры?

– Конечно.

– Правда, он сейчас находится далеко от Москвы на одном закрытом объекте, но он вскоре вернется.

– Как это его туда занесло?

– Потому, что он тоже, как и мой Даня, физик.

Я уже писала о том, что Софья Дмитриевна по какой-то неведомой причине была убеждена, что ее муж – физик, и так его всегда и называла «физиком». Она не отступила от своего замысла познакомить меня с этим «таким же, как и мой Даня» физиком, пока не подстроила нашу встречу в их квартирке на Малой Дмитровке. Из всей этой затеи, как это по большей части бывает, могло бы ничего не получиться, если бы только с этим самым физиком, Юрой Каганом, мы не были по сей день вместе, – вот уже более пятидесяти лет.

С Даниным они познакомились в Коктебеле, куда после смерти вождя Юра, в то время работавший на закрытом объекте на Урале, поехал в отпуск. Коктебель он выбрал не слу-

чайно, а по наущению своей невестки Зои Богуславской, жены старшего брата, Бориса Кагана. Зоя к тому времени уверенно входила в литературу, дружила с восходящими звездами театральной критики и не могла дать лучшего совета Юре, который наконец-то вырвался на волю со своего закрытого объекта, как поехать отдохнуть в Коктебель – эту литературную Мекку тех дней.

Дружба с Даниным продолжалась у них с Юрой, пока Данин был жив. Менялись обстоятельства, у Данина после смерти Туси появилась новая жена, Наташа Мостовенко, но неизменной оставалась их привязанность друг к другу. Помимо общности взглядов на события в мире, живого восприятия действительности, этих двух «лирических физиков» связывал еще постоянный интерес к невероятным новостям в науке, находившейся в ту пору на подъеме и поражавшей фантастическими открытиями. Данин осваивает новый для себя жанр – популярного научного романа, и у него подряд выходит несколько книг: «Неизбежность странного мира», 1961 г., «Резерфорд», 1967 г., «Нильс Бор», 1975 г. Написать доступно о самом сложном, изобразить с помощью слов весь драматизм труда ученого, полного взлетов и падений, разочарований и восторга, это было под силу только Даниилу Данину, одновременно художнику и физику и по образованию, и по душевной склонности. Читательская аудитория тех лет тянулась к знаниям, и поэтому книги Д. Данина, занимавшие умы и воображение, становились бестселлерами.

Работа над этими книгами сопровождалась постоянными обсуждениями и спорами с Юрой по телефону и при личных встречах, и так продолжалось не год, и не два, а целые десятилетия.

После того, как «Нильс Бор» вышел из печати в серии «Жизнь замечательных людей», мы получили книгу со следующей надписью:

«Дорогому Юре Кагану – верному другу и сообщнику – без вмешательства которого это сочинение, возможно, так и не увидело бы свет – со старинной любовью – Д.Д.

P.S. А Тане и Максиму этот же экземпляр с той же любовью. – Д.»

Творческую биографию Д.Данина завершает многостраничный том «Время стыда». Д. Данин снова отдается во власть своей юношеской страсти к поэзии и пишет о Борисе Пастернаке. Это книга-исповедь, книга – признание в любви, книга – подведение итогов. Эта книга – предупреждение о том, как разрушительны – для личности, для общества – поступки, подавляющие в человеке простое чувство стыда. Это труд, потребовавший от Даниила Семеновича едва ли не двадцатилетней упорной работы изо дня в день, из года в год, невзирая ни на какое настроение, заботы, недомогания или болезни. Но вот он завершен, и Юра Каган получает от Данина чуть ли не сигнальный экземпляр с надписью:

«Милый Юра – дорогой и давний друг мой – давай будем жить долго, раз уж мы наверняка освободились от бремени

стыда! Обнимаю тебя, твой Д. 25 дек. 97. Аэропортовская». (Это их новый адрес. – Т.В.)

Они были не только друзьями, но также и единомышленниками, для которых «бремя стыда», наряду с другими горестями, было бы самым мучительным наказанием в жизни. Но, к счастью, оглядываясь назад, на прожитые в нашу непростую советскую эпоху годы, ни Данин, ни Каган ни в чем не могли себя упрекнуть, – их совесть оставалась чистой и незапятнанной.

Что представляет собой такое расхожее определение, как «цельная личность»? Набор нравственных качеств с превосходными степенями или, напротив, эпитеты с приставкой – «не»? Так вот, по отношению к Данину можно было бы применить и то, и другое.

Поразительна в нем была верность любви своей молодости – к Тусе Разумовской – жене и музе. Записки в «Дневнике одного года, или Монолог – 67» («Нестрого как попало. Неизданное», М., 2013. Изд. Э.П.Казанджан), когда Данин лежал в больнице и ждал операции, говорят о том, как близки они друг другу по духу:

«2 апреля. Я держу в своей руку Туси. И почти неслышными голосами мы вспоминаем строчку за строчку пастернаковскую больницу:

«О, господи, как совершенны дела твои, – думал больной. – Постели, и люди, и стены, час смерти и город ночной!»

И снова:

«3 апреля. Ужасно жалко Тусю – ей все представляется обвалом, пожаром, землетрясением, непоправимостью».

«4 апреля. Снова держу руку Туси. И снова мы вполголоса вспоминаем Пастернака. Теперь – байроновские «Стансы к Августе».

Свидетельства любви и нежности к Тусе можно продолжать до бесконечности.

Не менее поразительна в Д.Данине его способность к долголетней дружбе. В ближайшем окружении Даниила Семеновича и Туси творческая элита обеих наших столиц – Маргарита Алигер, Юрий Герман, Лев Разгон, Юрий Трифонов, Борис Жутковский, в этот список входил также мой муж и вся наша семья. Данины дружат всерьез, вникая во все ваши заботы и проблемы, но больше всего ценят самоиронию и юмор. Вот как одна знаменитая поэтесса поздравляет с днем рождения не менее знаменитого прозаика:

«Ну что, Данька, допрыгался?! То-то! Я всегда говорила: это дело до добра не доведет. Теперь уж, валяй, прыгай дальше и прыгай весело, даже еще веселее. Ибо расстраиваться нам ни к чему, расстраиваться не приходится. Это все не что иное, как неизбежность странного мира (цитата из Данина, Т.В.). Будь здоров и смотри у меня. Целую тебя. Твоя скромная современница Маргарита Алигер».

И дальше Данин делает приписку: «Черт возьми, мы уже 30 лет(!) друзья-приятели. Придется прыгать дальше веселее».

Все это в том же монологе-дневнике 1967 года.

К сожалению, жизнь не позволила им слишком долго перебрасываться остротами и общаться в таком игривом тоне. Сначала у Маргариты Иосифовны умерла от лейкоза ее старшая дочь Таня. Потом застрелился А.А.Фадеев, с которым у Маргариты Иосифовны общая дочь Маша. А потом Маша покончила с собой самым ужасным способом. Рядом с Маргаритой Алигер все это время «тетя Туся» и «дядя Даня», каковыми они были с самого младенчества для этих несчастных девочек.

Бездетная чета Даниных обладала Божьим даром любоваться на чужих детей и любить их, как своих. Они обожают сына Юрия Германа, Алешу, так же как и жену Ю. Германа, Таню, и в самое тяжелое время, кончины Юрия Павловича, Данин с ними, в тогдашнем Ленинграде.

Когда у нас в 1961 году родился сын Максим, произошла рокировка с нашими визитами. Теперь уже не мы навещали Даниных в новой квартире на Аэропортовской, в кооперативном писательском доме, а они нас на Щукинском, где мы жили неподалеку от Курчатовского института.

Помню, я оставила Софью Дмитриевну с ребенком, а сама побежала хозяйничать на кухню. Вдруг она нас зовет:

– Ой, смотрите, смотрите! Он дрыгает ножками! А в тот раз, когда мы у вас были, он не дрыгал! – Хорошенький малыш и правда дрыгал ножками, как будто бы в подтвержде-

ние догадки Софьи Дмитриевны о том, что он растет и развивается.

К тому времени, когда у нас родился сын, мы с Юрой состояли в совершенно законном зарегистрированном браке. Мы жили с ним тогда в квартире его родителей на Ленинградском проспекте, и вдруг однажды в одно дождливое, промозглое утро он мне говорит:

- Собирайся скорее, Данины нас ждут!
- Что такое, почему Данины нас ждут?
- И не забудь взять с собой паспорт.
- Но куда мы идем?
- Сама увидишь.

И мы побежали. Оказалось, Юра подготовил мне сюрприз – поход в ЗАГС, где мы должны были сочетаться с ним законным браком. Софья Дмитриевна и Даниил Семенович уже ждали нас под дождем у дверей этого заведения на бывшей улице Горького. Им предстояло присутствовать на этой церемонии в качестве свидетелей. Данин был немного хмурый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.